

Струсил ли Церковь в 1917 году?

Действительно ли Синод перед революцией состоял из ставленников Распутина? Правда ли, что в церковном управлении все с одобрением приняли новую власть, боясь пострадать за несогласную позицию? В ноябрьском номере «Фомы» было опубликовано интервью с Ф. А. Гайдой о позиции Церкви в революционном 1917 году. Этот текст породил дискуссию в среде профессиональных историков, которую мы решили поддержать. Представляем вашему вниманию мнение доктора исторических наук, профессора исторического факультета МГУ Дмитрия Володихина.

Ф. А. Гаيدا совершенно справедливо заметил: «Никто из Синода не вступился прямо за монархию». Это исторический факт. Действительно, Синод после февральского переворота не предпринял какого-либо публичного заявления в пользу Николая II или хотя бы в пользу монархического государственного строя. Тут и спорить не о чем.

Но вот почему такого заявления Синода не случилось, — проблема чрезвычайно сложная. В науке идут дискуссии по целому ряду ключевых вопросов, связанных с судь-

бами Русской Церкви в 1917 году. Во многих случаях среда историков еще не пришла к однозначному мнению по той или иной проблеме. Не стоит думать, что всё здесь прояснено, и трагедия Церкви в тот бешено-революционный год залита светом определенности.

Хотелось бы исправить это впечатление хотя бы отчасти. Думается, правильным будет на месте четких ответов оставить зияющие, драматические вопросы, поскольку в научной среде четких ответов пока нет.

▲ **Революционный митинг.**
12 марта 1917 г.,
Вятка

Ставленники Распутина?

Итак, важный тезис Ф. А. Гайды: «Синод и до, и после Февральской революции находился в очень сложной ситуации. В эти годы члены Синода и епископат в целом имели стойкую репутацию ставленников Распутина. К 1917 году в общественных кругах существовало очень устойчивое представление о том, что Распутин через императрицу действует на императора и управляет им как хочет. А император назначает подсказанные им кандидатуры, в том числе и в Синод».

Думается, стоит прояснить читателям эту историю с Распутиным, затрагивающую не только, выражаясь языком современной политики, «репутационные потери» Синода, но и вопросы нравственные.

Если почтенные члены Синода чувствуют за собой тяжелую моральную вину из-за восхождения на самый верх церковной иерархии по мановению руки некоего странного «старца», а не за действительные духовные заслуги, стало быть, они принуждены молчать, ибо уста их запечатаны угрызениями совести.

Но так ли это в действительности?

Вряд ли.

Газеты, поставленные под контроль неистовыми бунтовскими силами, могли писать о Синоде что угодно. А правда легко открывается тому, кто взглянет на список членов Синода, относящийся к началу 1917 года.

И что же?

Влиятельнейшие синодальные фигуры вошли в состав сего богоспасаемого учреждения задолго до того, как на политической арене появился Распутин, или же являлись его противниками.

Вот, например, «первоприсутствующий» в Синоде митрополит Киевский Владимир (Богоявленский). В Синод он вошел в 1892 году, еще при Александре III, а вовсе не благодаря какой-то там протекции «старца». Более того, он активно противостоял влиянию Распутина. И если у владыки Владимира хватило смелости выступить против самого Распутина, разве

Газеты, поставленные под контроль бунтовскими силами, могли писать о Синоде что угодно.

какая-то газетная блажь, связывавшая Синод с распутинщиной, закрыла бы ему рот по нравственным или политическим соображениям?

А вот владыка Харьковский Антоний (Храповицкий). Его назначили в Синод уже при Распутине. Но этот архиерей составил себе заслуженную репутацию прямого и явного противника «старца». Биография его хорошо изучена. О нем вышло множество книг и статей. Факты самым очевидным образом свидетельствуют: этот человек вообще никого не боялся, ➔

кроме Бога. Он не то что опасался какой-либо полемики, он полемику очень любил, чуть ли не искал ее! Проблемы с «устойчивым представлением общественных кругов», навязанные тряпичными революционной поры, вряд ли взволновали бы его хоть на секунду.

Если же говорить о епископате в целом, а не только о Синоде, то русские архиереи высказывались за сохранение монархии, притом делали это публично.

Так, например, епископ Пермской и Кунгурский Андроник (Никольский) в марте 1917 года (т. е. сразу после сведения Николая II с престола) опубликовал заявление «Ко всем русским православным христианам», а также выступил перед паствой в кафедральном соборе. Среди прочего он сказал: в России — «междоусобица». Временному правительству, как высшему на данный момент органу государственного управления, следует оказывать послушание, но при этом надо молить Бога, чтобы Он не оставил Россию надолго без царя. «Да поможет Он нам, — писал владыка Пермской, — как триста лет назад нашим предкам, всем единодушно и воодушевленно получить родного Царя от Него, Всеблагородного Промыслителя».

В падении прежнего царя епископ обвинил бесчестных «царских слуг» и «советников».

К этому остается добавить, что епископ Андроник являлся последовательным врагом Распутина, и ему, разумеется, никакая газетная клевета не мешала высказаться, как он считал нужным.

▼ Живая карикатура на Григория Распутина и Александра Протопопова (загримированные участники демонстрации рабочих в феврале 1917 года)

Осознавали свое бессилие?

Иной раз в исторической литературе звучит тезис, согласно которому Синод якобы осознавал, что его реальные возможности как-то повлиять на общественные настроения «равны нулю», какие бы шаги и заявления от него ни исходили, ничего бы не изменилось.

В связи с этим возникает вопрос: как же так — весь Синод «не понимал», а тот же епископ Пермской «не понимал»? Или, может быть, нечто иное мешало Синоду высказаться прямо и открыто?

Как минимум, два обстоятельства, никак не связанных с идеей бессилия в информационной сфере, влияли на членов Синода.

Первое из них тривиально: синодальные архиереи подверглись энергичному давлению со стороны обер-прокурора В. Н. Львова. Тот вел себя как диктатор, изо всех сил стараясь «реформировать» Церковь и сделать из нее послушное орудие нового правящего круга. А для этого Львов пошел по пути «чистки» епископата от «реакционеров». Неудобных архиереев выбрасывали с кафедр, притом нередко увольнение происходило с тяжелыми нарушениями канонического права.

14 апреля Временное правительство просто «освободило от обязанностей» весь старый Синод, кроме архиепископа Финляндского Сергия. Умные, независимые старики оказались неудобными. Ершисты! Перечат. Хорошо же, назначим новых, авось эти будут сговорчивее.

Русские архиереи высказывались за сохранение монархии, притом делали это публично.

Так оказался за пределами Синода тот же митрополит Антоний (Храповицкий). Две недели спустя его вышибли с кафедры и отправили «на покой» в Валаамский монастырь. Владыка Антоний деятельно покровительствовал монархистам. Такую фигуру Временное правительство оставить при власти не могло.

На епископа Андроника оказали давление и сверху — тот же неугомонный Львов — и снизу, со стороны местного совета. Он едва не лишился места.

Суть исторической судьбы Русской Церкви в ту пору такова: путь страданий и потерь во имя Христа начался не с октября 1917-го, а восемь месяцами раньше.

Одни историки Церкви пишут о 17 архиереях, согнанных в ту пору с кафедр, другие называют иную цифру — 20 архиереев. Примерно столько же епископов должны были «добровольно» оставить свои кафедры, находясь под давлением правительства или прямо нецерковных сил. Но не в этой разнице суть. Историография советского периода, эмигрантская и (в меньшей степени) наша, современная, холит и лелеет миф, согласно которому в Церкви совершалась своего рода «революция снизу», т. е. смена епископов собраниями духовенства на местах. Однако утвердить итоги такого собрания, поставить на кафедру нового епископа, «избранного» со всевозможными нарушениями церковного права, могло только правительство. Историк Церкви С. Л. Фирсов пишет: «Механизм отставки неугодного епископа весной 1917 г. был достаточно прост: отставка эта, как и прежде, зависела от светской власти». Порой она провоцировала и сам «церковный мятеж»...

Напрашивается крайне болезненный для «февралистов» вопрос: а не затыкало ли рот Синоду само Временное правительство? Не стремилось ли оно раздавить монархический элемент в нашем епископате руками В. Н. Львова?

Ведь в противном случае придется признать, что русские архиереи того времени — трусы и приспособленцы.

Как же из этой среды, из числа все тех же «молчаливых» членов Синода вышли мученики и исповедники? Неужели за краткий период от февраля 1917 года до начала советского антицерковного террора все они разом духовно переродились и стали из Савлов Павлами?

А ведь тот же митрополит Киевский Владимир, изгнанный Львовым из Синода, в ноябре 1917 года напуществовал взошедшего на патриарший престол святого Тихона словами исключительной смелости, сказанными публично.

Вот эти слова: «Какие большие силы духовных разбойников: атеистов, материалистов, социалистов и т. п., стоят на пути Святой

Церкви Христовой! Не они ли употребляют всю свою мощь для того, чтобы препятствовать развитию святого церковного дела?.. Но да не смущается сердце твое, Святейший Патриарх. Не ужасайся этих врагов Святой Божией Церкви. Ведь ты не один и не беспомощен. С тобою Тот, Кто указал тебе быть Патриархом, с тобою Заступница наша Матерь Божия... С тобою паства твоя... Быть не может, чтобы из ста четырнадцати миллионного народа не нашлось семи тысяч праведников, не преклонивших колен своих пред современным Ваалом, то есть таких чистых и праведных душ, молитва которых много может, споспешествуемая молитвами небесных защитников Православной Руси».

В тот момент власть находилась уже не в руках Временного правительства, ее захватили большевики. От них Церковь могла ожидать еще менее снисхождения. Безжалостный дракон революции уже коснулся огненным дыханием своим Русской Церкви, и гибельное пламя становилось всё жарче... Но старый митрополит не боится честно назвать их врагами Церкви и сравнить с Ваалом, с демонической силой.

Второе обстоятельство, мешавшее русским архиереям высказаться в пользу монархии, — иного рода.

В первые месяцы после февраля 1917 года многие смелые речи останавливало упование на Временное правительство как на меньшее зло. Снизу-то бушует совсем уж антицерковная сила. А те, кто захватил власть после падения Романовых, все же допускают в будущем самостоятельный выбор народом государственного строя. Иными словами, хотя бы конституционная монархия еще возможна...

Так не потерпеть ли некоторых неудобств, связанных с новой властью? Власть радикальных революционеров вообще ничего доброго не сулит.

Подобного рода надежды на Временное правительство быстро рассеялись. Деспотизм в отношении Церкви соединялся у него со слабостью государственного правления. Но кто мог знать в самом начале деятельности Временного правительства, до какой степени бездарным и легкомысленным окажется его «государственная работа»?

Наша Церковь не проявила в 1917 году ни трусости, ни бессилия, ни бездумной легкости в расставании с монархией. Она была с самого начала поставлена в крайне тяжелое положение. На вершине светской власти укрепился круг людей, которые проявили до крайности жесткое отношение к Церкви. Но если бы Церковь встала на несвойственный для нее путь политической борьбы с правительством, что ж, она помогла бы расчистить путь силам еще более враждебным и к Христу, и к Православию, и к духовенству. Не более того.

Суть исторической судьбы Русской Церкви в ту пору такова: путь страданий и потерь во имя Христа начался не с октября 1917-го, а восемь месяцами раньше. **Ф.**

Дмитрий Володихин